

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

---

# ЧИНЫ И МУЗЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ

---

Санкт-Петербург — Тверь  
2017

УДК 82.09  
ББК 83.2  
Г 65

Чины и музы: Сборник статей / Отв. ред. С. Н. Гуськов,  
ред. Н. В. Калинина. — Санкт-Петербург; Тверь: Изда-  
тельство Марины Батасовой, 2017. — 576 с.

Издание подготовлено при финансовой поддержке  
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),  
проект № 16-04-14013

ISBN 978-5-9909266-2-2

© С. Н. Гуськов, Н. В. Калинина —  
составление, 2017  
© Авторы статей, 2017  
© Издательство Марины Батасовой, 2017

А. С. Бодрова

(НИУ ВШЭ, Москва — ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург)

**ВОЕННАЯ СЛУЖБА  
Е. А. БАРАТЫНСКОГО:**

*между биографией и поэзией\**

**И**стория военной службы Баратынского (1819—1825) традиционно рассматривается как биографический сюжет, историко-литературное содержание которого ограничивается отражением «финской» и «военной» тем в лирических текстах первой половины 1820-х гг. Между тем литературные, а точнее, социолитературные проекции этого эпизода представляются гораздо более объемными, а связь между творческой позицией Баратынского и его военной «карьерой» — куда более сложной. Не менее значим и тот факт, что личная история Баратынского разворачивалась на фоне острых споров 1822—1825 гг. об общественном статусе писателя, о независимости и «ободрении», на фоне полемики о возможности построения собственно литературных иерархий. В таком контексте индивидуальная судьба «певца Пиров» оказывалась характерным примером разрешения обсуждаемых коллизий, которые, в свою очередь, задают перспективу для интерпретации творческой стратегии Баратынского в этот период.

---

\* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-34-01060: «Баратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 5: Проза. Критика. Переводы. Письма. Подготовка текстов, текстологических и историко-биографических комментариев».

Но прежде чем переходить к событиям и сюжетам начала 1820-х гг., кратко напомним обстоятельства, предопределившие на долгое время судьбу молодого поэта.

После того как на Масленице 1816 г. пажи Евгений Баратынский и Дмитрий Ханыков похитили из бюро отца одного из их соучеников и приятелей камергера П. Н. Приклонского «черепашковую в золотой оправе табакерку и 500 рублей ассигнациями»,<sup>1</sup> в чем сразу же были изобличены и не запирались, оба они по личному повелению Александра I были исключены из Пажеского корпуса с запретом вступать в какую-либо службу, кроме солдатской.<sup>2</sup> Такое наказание, лишившее Баратынского возможности получить дворянское свидетельство<sup>3</sup> и, соответственно, подтвердить свои сословные права, было тем не менее не слишком жестким: за похожие провинности могли лишиться дворянства, высечь или принудительно отдать в солдаты. Рассчитывая на милость императора, старшие высокопоставленные родственники Баратынского<sup>4</sup> в течение не-

---

<sup>1</sup> Формулировка из рапорта главноуправляющего Пажеским корпусом Ф. И. Клингера на высочайшее имя (см.: *Максимов Н. Я.* Е. А. Баратынский по бумагам Пажеского Е. И. В. Корпуса // *Русская старина.* 1870. Т. 2, № 8. С. 205, а также: *Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского* / Сост. А. М. Песков; текст подгот. Е. Э. Лямина и А. М. Песков. М., 1998. С. 73; далее ссылки на это издание даются сокращенно: *Летопись*).

<sup>2</sup> Наиболее полную сводку данных о «пажеской истории» см.: *Летопись.* С. 72—75.

<sup>3</sup> Такую попытку летом 1818 г. предпринимал дядюшка Баратынского Богдан Андреевич, однако получил отказ от предводителя дворянства Смоленской губернии Ф. И. Лыкошина (см.: *Летопись.* С. 87).

<sup>4</sup> Младшие братья рано умершего отца Баратынского Абрама Андреевича (1767—1810), который и сам вышел в отставку генерал-лейтенантом, также дослужились до высоких чинов: Петр Андреевич (1768 или 1769—1845) имел чин генерал-майора (а затем, в 1821 г., был произведен в генерал-лейтенанты с назначением присутствовать в Сенате), Богдан Андреевич (1769 или 1770—1820) дослужился до вице-адмирала (в отставке с 1805 г.), Илья Андреевич (1773 или 1774—1836) в 1813 г. вышел в отставку контр-адмиралом (см.: *Летопись.* С. 416—417).

скольких лет пытались выхлопотать ему прощение без вступления в рядовые.<sup>5</sup>

Путь солдатской службы, по всей видимости, был окончательно выбран Баратынским в конце 1818-го или в самом начале 1819 г. В феврале 1819 г. он вступил рядовым в лейб-гвардии Егерский полк.<sup>6</sup> Согласно поздним мемуарам знакомого Баратынского П. Г. Кичеева, в это время хлопоты перед государем не прекращались, но ответ Александра I был неизменен: «Послужи»; «Пусть еще немного послужит».<sup>7</sup> Следующим шагом, формально повышавшим чин Баратынского, был перевод из гвардии в армию — соответственно, унтер-офицером. Армейская служба, требовавшая отъезда из Петербурга,

---

<sup>5</sup> Так, летом 1816 г. мать Баратынского Александра Федоровна передавала своему деверю Богдану Андреевичу дружественные советы, в том числе рекомендации их родственницы и покровительницы Е. И. Нелидовой: «...все мои друзья и знакомые и сам братец Петр Андреевич <Баратынский> опасаются безвременным напоминанием о сем деле испортить его совсем. Каменские <Анна и Екатерина Николаевна Бантыш-Каменские> ко мне писали и от имени Катерины И<вановны> советовали взять его к себе в деревню на год, *обещая, что по истечении года он будет прощен...*» (письмо от 29 июня 1816 г.; цит. по: *Летопись*. С. 76; курсив мой. — А. Б.). В 1817 г. сам Баратынский покупал сукно на фрак, будучи уверен, что сможет проходить «год и более во фраке, пока не получ<ит> офицерский чин» (см. письмо Баратынского матери, датированное сентябрем 1817 г., — *Летопись*. С. 84).

<sup>6</sup> См.: Там же. С. 87—90.

<sup>7</sup> П. Г. Кичеев передавал следующий рассказ Баратынского: «...офицерский чин не скоро мне дался, несмотря на некоторые протекции. Так, один раз меня поставили на часы во дворце во время пребывания в нем покойного государя императора Александра Павловича. Видно, ему доложили, кто стоит на часах: он подошел ко мне, спросил фамилию, потрепал по плечу и изволил ласково сказать: *послужи!* В другой раз, когда у одного вельможи <...> умер единственный сын и государь соблаговолил навестить огорченного отца, то последний стал просить государя — возвратить ему сына прощением меня, — государь опять милостиво изволил отозваться: *рано, пусть еще немного послужит*» (Кичеев П. Г. Еще несколько слов о Е. А. Баратынском // Русский архив. 1868. № 4—5. Стб. 870).

очевидно, представлялась более трудной и поэтому заслуживающей поощрения производством. Впрочем, Баратынскому не потребовалось слишком удаляться от столицы — вероятно, не без помощи родственников ему удалось перевестись в дислоцированный во Фридрихсгаме Нейшлотский пехотный полк, которым командовал троюродный дядюшка Баратынского Е. А. Лутковский. Все эти обстоятельства, по-видимому, внушали надежду на то, что столь желанный чин прапорщика унтер-офицер Баратынский сможет получить в течение ближайшего года. Однако эти расчеты снова не оправдались — представление, поданное Лутковским, видимо, в самом конце 1820 г., Александр I не подписал; не принесло успеха и обращение за протекцией к С. С. Уварову, в то время попечителю Санкт-Петербургского учебного округа и Президенту Императорской академии наук.<sup>8</sup>

После нового отказа в производстве серьезные ходатайства были прекращены до конца 1823 г.<sup>9</sup> Помимо разумного ожидания существенными, вероятно, были и другие факторы. С апреля 1821 г. по июль 1822 г. Нейшлотский полк дислоци-

---

<sup>8</sup> Как следует из письма Баратынского к Уварову (письмо от 12 марта 1821 г.), написанного по совету А. Н. Бантыш-Каменской, последний обещал так или иначе хлопотать о деле производства («Вы приказали доставить Вам записку об унтер-офицере Боратынском — с благодарностью исполняю Ваше приказание»), однако дальнейший ход действий Уварова неизвестен. В свою очередь, письмо Уварову подтверждает факт представления со стороны Лутковского («Теперь представлен своим начальством в прапорщики...»). Текст письма см.: *Летопись*. С. 104.

<sup>9</sup> Впрочем, какие-то хлопоты о деле Баратынского его старшие родственники не оставляли и в это время, что следует, например, из письма сестры поэта Софьи, обращенного к матери: «Г-н Лутковский <...> не перестает усерднейше рекомендовать брата перед теми, от кого зависит его судьба. <...> <дядюшка Петр Андреевич> сказал с чувством неизъяснимым, что, пока дело Евгения не повершено, он не в состоянии заниматься чем-либо другим для кого бы то ни было. Он делает все возможное» (письмо от 20 июля 1822 г., цит. по: *Летопись*. С. 116—117).

ровался в Петербурге для несения караульной службы,<sup>10</sup> что позволяло Баратынскому вновь жить в столице. С другой стороны, именно к этому времени относится институциональное и репутационное продвижение Баратынского в другой иерархии — литературной. Так, 28 марта 1821 г., почти в одно время с отказом в повышении по службе, Баратынский был повышен «литературным чином» — переведен в действительные члены Вольного общества любителей российской словесности.<sup>11</sup> Это коллегиальное решение Общества закрепляло возраставшую поэтическую известность Баратынского, который начинал играть все большую роль в литературной жизни Петербурга. В течение 1820—1821 гг. стихи Баратынского многократно представлялись и одобрялись на заседаниях ВОЛРС<sup>12</sup> и активно

---

<sup>10</sup> Хронологию перемещений Нейшлотского пехотного полка в 1821—1822 гг. см.: Там же. С. 105—106, 118.

<sup>11</sup> 28 марта 1821 г. датировано отправленное Баратынскому отношение «об избрании <...> в действительные члены» ВОЛРС, подписанное секретарем общества А. А. Никитиным (РО ИРЛИ. Ф. 58. № 20. Л. 80 об.). Благодарственный ответ Баратынского, полученный в Петербурге 18 апреля 1821 г., см.: *Летопись*. С. 105; подлинник: РО ИРЛИ. Ф. 58. № 5. Л. 189. Об этом эпизоде см.: *Вейс А. Ю.* К избранию Е. А. Баратынского в СПб. Вольное общество любителей российской словесности // Пушкин и его время. Л., 1962. Вып. 1. С. 305—308.

<sup>12</sup> В течение 1820 г. в собраниях ВОЛРС было прочитано 7 стихотворений Баратынского, поэма «Пир» и прозаическая миниатюра «О заблуждениях и истине», в 1821 г. — 12 стихотворений (данные — по указателю произведений Баратынского, читанных в собраниях Вольного общества любителей российской словесности, составленному А. Р. Зарецким и Р. А. Евстифеевой: *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем / Рук. проекта А. М. Песков; Ред. А. М. Песков, А. Р. Зарецкий и др. М., 2002. Т. 1. С. 457—460). Участие Баратынского в другом литературном обществе — Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств, куда он был принят 20 марта 1819 г., было менее заметным: в 1820 г. в заседаниях Общества был прочитан только один его текст, в 1821 г. — шесть (данные по протоколам заседаний ВОЛСНХ: ОРК НБ СПбГУ. Архив ВОЛСНХ. Д. 54, 1; URL: <http://www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/prot/prot20.html> (дата обращения: 27.01.2017); <http://www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/prot/prot21.html> (дата обращения: 27.01.2017)).

публиковались в различных журналах: в течение 1820 г. Баратынский напечатал десять новых стихотворений, в 1821 г. — четырнадцать (это, к примеру, в два раза больше, чем Пушкин, напечатавший в 1820 и 1821 гг. по шесть лирических текстов<sup>13</sup>).

Вопрос о социальном статусе литературных занятий и репутационном соотношении служебных и литературных чинов применительно к первой половине 1820-х гг. исключительно сложен.<sup>14</sup> Иерархическая значимость «чинов», то есть государственных заслуг, определявшая статус писателя в XVIII веке,<sup>15</sup> до конца, разумеется, не была изжита, а литературные занятия продолжали служить средством к карьерному продвижению литераторов нового поколения. Это можно видеть не только на примере «благонамеренного» В. И. Панаева,<sup>16</sup> но и «прогрессивных» Бестужева и Рылеева, которые также

---

<sup>13</sup> Пушкин в печати, 1814—1837: Хронол. указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни / Сост. Н. А. Синавский и М. А. Цявловский. Изд. 2-е, испр. М., 1938. С. 16—18.

<sup>14</sup> Об истории профессионализации и институционализации литературы в 1810—1820-е гг. см., например: *Гриц Т. С., Тренин В. В., Никитин М. М.* Словесность и коммерция: (Книжная лавка А. Ф. Смирдина). М., 1929; *Гессен С. Я.* Книгоиздатель Александр Пушкин: Литературные доходы Пушкина. Л., 1930; *Рейтблат А. И.*: 1) Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001. С. 7—11, 51—69; 2) Русская литература как социальный институт // *Рейтблат А. И.* Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М., 2014. С. 19—24.

<sup>15</sup> См. об этом: *Живов В. М.* Первые русские литературные биографии как социальное явление: Третьяковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 24—83; *Клейн И.* Поэт-самохвал: «Памятник» Державина и статус поэта в русской культуре XVIII века // *Клейн И.* Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 509—516.

<sup>16</sup> Начало поэтической и чиновничьей карьеры Панаева связывается с протекцией Г. Р. Державина, одобрявшего сочинения своего дальнего родственника, и способствовавшего его служебным успехам; см.: *Бушканец Л. Е.* Образ идеального чиновника в творчестве Вл. И. Панаева // *Филология и культура.* 2015. № 1 (39). С. 120—124.



пользовались своими литературно-издательскими успехами в карьерных целях (см. ниже). С другой стороны, к началу 1820-х гг. литература и литературные институции, в том числе оба Вольных общества,<sup>17</sup> уже имели определенный вес и претендовали на установление собственной, внутренней иерархии,<sup>18</sup> может быть более важной, чем чиновные отношения, и независимой от них. По-видимому, проявление этой же тенденции (конкуренция государственной службы и литературной деятельности) можно видеть и в пропаганде «общепользовательного назначения» литературы, за которое активно выступало так называемое «левое крыло» ВОЛРС (Н. И. Гнедич, Ф. Н. Глинка, А. А. Бестужев, К. Ф. Рылеев и др.) вслед за декларативной «Речью о назначении поэта», с успехом произнесенной Гнедичем в собрании «ученой республики» 13 июня 1821 г.<sup>19</sup>

В свете этих обстоятельств, а также острого напряжения «литературного» и «социального» в личной биографии Баратынского к лету 1822 г., когда он был готов чуть ли не выйти

---

<sup>17</sup> Об истории Вольного общества любителей российской словесности (ВОЛРС, «соревнователи») и Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств (ВОЛСНХ; «михайловское» общество, «измайловцы») см., прежде всего: *Базанов В. Г.*: 1) Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 125—320; 2) Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 85—363, — а также материалы ВОЛСНХ на сайте Научной библиотеки СПбГУ: URL: <http://www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/index.html> (дата обращения: 27.01.2017).

<sup>18</sup> Показательно, что оба общества имели свою иерархическую структуру (председатель; помощник председателя; секретарь; казначей; цензоры, ведавшие публикацией текстов в журналах; почетные, действительные члены; члены-корреспонденты), а борьба за определенные должности велась именно на литературно-идеологических, а не чиновных основаниях.

<sup>19</sup> О речи Гнедича и ее значении для литературной полемики начала 1820-х гг. см.: *Медведева И. Н.* Н. И. Гнедич и декабристы: (Из истории литературных программ и объединений декабристов) // *Декабристы и их время: Материалы и сообщения.* М.; Л., 1951. С. 129—135; *Базанов В. Г.* Ученая республика. С. 230—238.

в отставку без всякого чина,<sup>20</sup> интересно посмотреть на известное сочинение «унтер-офицера Баратынского с артелью» — сатирические куплеты «Певцы 15 класса», датирующиеся второй половиной июля 1822 г.,<sup>21</sup> и полемику, ими вызванную.<sup>22</sup> На первый взгляд, «Певцы 15 класса» — вполне традиционная сатира на литературных противников, в данном случае круг журнала «Благонамеренный», напоминающая литературно-полемические шутки прежних десятилетий: «Видение на берегах Леты» К. Н. Батюшкова, «Певца в Беседе любителей русского слова» Батюшкова и А. Е. Измайлова, «Дом сумасшедших» А. Ф. Воей-

---

<sup>20</sup> Ср. в письме матери от 21—22 июля 1822 г.: «Дела мои все в прежнем положении. Обещают замолвить за меня словечко перед императором, когда будут выходить наши полки <...> видимо, император, следуя своим правилам, откажет. В последнем случае я решился просить отставки, если вы не будете тому противиться. Я не охотник до званий, и, как ни блистателен чин прапорщика, он мало соблазняет мою пресыщенную душу» (цит. по: *Летопись*. С. 117).

<sup>21</sup> *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2012. Т. 3, ч. 1. С. 160—161. Текст известен только по спискам, в том числе А. Е. Измайлова (РО ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. № 18. Л. 3—4) и В. Л. Пушкина (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 2611. Л. 139—140). Точный состав сочинителей не вполне известен (в обоих списках РО ИРЛИ текст подписан: «Сочинил унтер-офицер Евгений Баратынский с артелью»), скорее всего, соавтором Баратынского был Дельвиг, который упоминался в ответных сатирических куплетах, а также, вероятно, их близкие знакомые 1821—1822 гг. — Н. М. Коншин и Д. А. Эристов. Датировка определяется временем премьеры пролога А. А. Шаховского «Новости на Парнасе, или Торжество Муз» (10 июля 1822 г.), который упомянут в начальных куплетах («Князь Шаховской согнал с Парнасса / И Мелодрамму и Журнал...»), и сроком отъезда Баратынского из Петербурга (1 августа 1822 г.; см.: *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 3, ч. 1. С. 162).

<sup>22</sup> Обзор полемики см., прежде всего, в работах В. Э. Вацура: *Вацура В. Э.*: 1) Списки послания Е. А. Баратынского «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974. С. 55—62; 2) Мнимое четверостишие Баратынского // Русская литература. 1975. № 4. С. 154—156; 3) С. Д. П.: Из истории литературного быта пушкинской поры // Вацура В. Э. Избранные труды. М., 2004. С. 353—360, — а также: *Летопись*. С. 119—121.

кова и в ряде отношений его же «Парнасский адрес-календарь». Звание «певцов 15 класса», в котором воплощалась их литературная оценка, как бы уравнивала всех бездарных литераторов вне зависимости от их нелитературных заслуг (как и в «Видении на берегах Леты» и «Доме сумасшедших»<sup>23</sup>) — за исключением условного председателя Измайлова («Я председатель и отец / Певцов 15 класса»), а также «подлеца-цензора» Бирукова — и помещала их за пределы литературной табели о рангах.<sup>24</sup>

Существенно, однако, что в метатекстовых элементах куплетов против «певцов 15-го класса» — примечаниях сочинителей и подписи — эта чисто литературная иерархия сталкивалась с реальным положением героев и авторов на служебной лестнице. Так, куплет про Д. И. Хвостова сопровождался комментарием: «В Сенате *третьего я класса*, / А здесь в *15-й* попал», а подпись («Сочинил унтер-офицер Евгений Баратынский с артелью») содержала указание на чин основного сочинителя — *унтер-офицера* Баратынского, которого, имея в виду реальную Табель о рангах, единственного можно было назвать *певцом 15-го класса* (т. е. имеющим чин, предшествующий последнему, 14-му классу).

При отсутствии автографа не вполне ясно, входил ли этот ироничный намек в авторский замысел, но показательно, что все ответные реплики «певцов 15-го класса» били прямо в унтерство Баратынского, переводя литературную шутку в социальную и биографическую плоскость, делая ее, по выражению Пушкина,

---

<sup>23</sup> Ср.: «Здесь будет встреча не по платьям, / Но по заслугам и уму» (*Батюшков К. Н. Сочинения / Ред., вступ. ст. и коммент. Д. Д. Благого. М.; Л., 1934. С. 175*); «Сей отдел — / Прозаистам и поэтам, / Журналистам, авторам, / Не по чину, не по летам, / Здесь места по номерам» (*Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 296*).

<sup>24</sup> Сходную чиновную метафору Баратынский также использует в эпиграмме «Идиллик новый на искус...» (1822—1823 <?>), по-видимому адресованной одному из «певцов 15-го класса» — Панаеву, судьбу которого Аполлон решает сурово и коротко: «Из списков выключить — и только» (*Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 2, ч. 1. С. 29*).

прямой «личностью и неприличностью».<sup>25</sup> Характерно, что в сочиненных Измайловым ответных «Куплетах, прибавленных посторонними» Баратынский выведен не «певцом или писцом 15-го класса», но унтером — так сказать, *лицом* 15-го класса. На тех же выпадах строились и другие полемические тексты Измайлова, «Надпись к портрету сочинителя сих куплетов» Н. Ф. Остолопова, анонимная эпиграмма «Завещание Баратынского»:

Барон я! — баловень Парнасса.  
В Лицее не учился, спал  
И с Кюхельбекером попал  
В певцы 15-го класса.

*Я унтер* — но я сын Пегаса.  
В стихах моих: *былое, даль,*  
Вино, иконы, [бляди] девы... жаль,  
Что я 15 класса.

Не только Муз, но и Пегаса  
Свою харей испугал  
И, совесть потеряв, попал  
В писцы 15 класса.

(Измайлов А. «Дополнение к куплетам  
о певцах 15-го класса»<sup>26</sup>)

*Остер как унтерской тесак,*  
Хоть мыслями и не обилен;  
Но в эпитетах звучен, силен —  
И Дельви́г сам не пишет так!

(Измайлов А. «К Баратынскому»<sup>27</sup>)

---

<sup>25</sup> Слова из письма И. Е. Великопольскому от конца марта 1828 г. (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1941. Т. 14: Переписка, 1828—1831. С. 9).

<sup>26</sup> ОР РНБ. Ф. 310. № 2. Л. 165 об.; опубл. с купюрой: Вацуро В. Э. Мнимое четверостишие Баратынского. С. 156. Первые два четверостишия, с незначительными вариантами, входят в так называемые «Куплеты, прибавленные посторонними», которые записаны вслед за «Певцами 15 класса» в обоих списках РО ИРЛИ (Ф. 357. Оп. 2. № 18. Л. 1—2; Л. 3—4).

<sup>27</sup> ОР РНБ. Ф. 310. № 2. Л. 165; Вацуро В. Э. Мнимое четверостишие Баратынского. С. 156.

Он щедро награжден судьбой!  
Поэт безграмотный, но Дельвигом прославлен!  
Он унтер-офицер — но от побой  
Дворянской грамотой избавлен.

(Остолопов Н. «Надпись к портрету  
сочинителя сих куплетов»<sup>28</sup>)

Долги на память о поэте  
Заимодавцам я дарю,  
Мундир мой унтерский — царю.  
Стихотворенья — доброй Лете.

(«Завещание Баратынского»;<sup>29</sup>  
курсив во всех цитатах мой. — А. Б.)

Этот «неприличный», «подлый» пласт сатирических текстов круга «Благонамеренного» оставался, конечно, за пределами печати, однако создавал фон для начавшейся бойкой журнальной кампании против «союза поэтов» (осень 1822—1823 гг.), в которой на разные лады варьировались претензии к новой

---

<sup>28</sup> РО ИРЛИ. Ф. 357. Оп. 2. № 18. Л. 2 об., 4 об.; опубл.: Брюсов В. Я. Эпиграммы и пародии на Е. А. Баратынского // Русский архив. 1901. Т. 39, № 2. С. 348. Авторство Остолопова указано: Вацуро В. Э. Мнимое четверостишие Баратынского. С. 155—156.

<sup>29</sup> Брюсов В. Я. Указ. соч. С. 347. Авторство этой эпиграммы, впервые опубликованной в 1901 г., остается неустановленным (см. Вацуро В. Э. Мнимое четверостишие Баратынского. С. 154—156). Помимо текста, напечатанного Брюсовым по неуказанному источнику («печатается с рукописи»), известны еще два варианта этой эпиграммы, отличающиеся, прежде всего, порядком следования строк: текст, опубликованный И. Н. Медведевой с необоснованным указанием на авторство О. М. Сомова, под заглавием «Завещание Баратынского» (*Баратынский Е. А.* Полн. собр. стих: В 2 т. / Ред., коммент. и биогр. ст. Е. Н. Купреяновой и И. Н. Медведевой; вступ. ст. Д. П. Мирского. Л., 1936. Т. 2. С. 248), и публикация четверостишия под заглавием «Завещание» по рукописному журналу П. Л. Яковлева «Хлыновский наблюдатель» 1826 г. (*Петряев Е. Д.* Люди, рукописи, книги: Литературные находки. Киров, 1970. С. 24; Вацуро В. Э. Мнимое четверостишие Баратынского. С. 154).

романтической школе — по части поэтики и кружковой ограниченности.<sup>30</sup>

С другой стороны, именно в это время тема литературных иерархий и «чинов» оказалась вынесена на серьезное публичное обсуждение — благодаря известной статье Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России», открывавшей первый выпуск альманаха «Полярная звезда».<sup>31</sup> При всех необходимых оговорках — в самой статье и последующих ответах критикам — Бестужев, конечно, претендовал на то, чтобы представить объективный взгляд на историю и современное положение русской словесности и обозначить вполне определенную литературную иерархию<sup>32</sup> (о чем, например, говорит выстраивание романтического «триумвирата»: Жуковский, Батюшков, Пушкин; жесткое ограничение достойных памяти потомства театральных авторов).

Показательно в этом смысле, что важнейшим сюжетом в острой журнальной полемике стало как раз обсуждение принципов «перебора» писателей и их ранжирования, специфики литературных чинов в соотношении с внелитературными заслугами. Ср.:

---

<sup>30</sup> См., например: Увы и Ах: Прозаическая галиматья: (Подражание новейшим элегическим поэтам) // Благонамеренный. 1822. Ч. 19, № 37. С. 439; [Федоров Б. М.] Союз поэтов // Там же. № 39. С. 512—514 (подпись: Д. Врс-в); [Цертелев Н. А.] Немногое для многих: (Отрывок из моего журнала) // Там же. 1823. Ч. 21, № 3. С. 210—216 (подпись: Житель Васильевского острова); [Измайлов А. Е.] Сатирическая газета, или Сатира на газеты // Там же. С. 234—239; [Он же.] Макарьевнина уха: Басня // Там же. № 5. С. 356 (подпись: И.).

<sup>31</sup> Бестужев А. А. Взгляд на старую и новую словесность в России // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / Изд. подгот. В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович. М.; Л., 1960. С. 11—29. О позиции Бестужева в этой статье и о ходе полемики, ею вызванной, см.: Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 196—201, 338—345.

<sup>32</sup> О властных претензиях Бестужева-критика см.: Мазур Н. Н. Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: полемические функции // Пушкин и его современники: Сб. науч. тр. СПб., 2009. Вып. 5 (44). С. 184.

«К новому году обещают нам альманах, под заглавием: *Полярная звезда*. Говорят, что он начнется *перебором* всех наших писателей. Опять загорится война. Ты будешь получать подробные о ней реляции». <sup>33</sup>

«Я предвидел, что старожилы на меня возопиют за неслышанную дерзость: в моих летах рассуждать вслух; что многие восстанут, зачем я поместил молодых литераторов, о которых они в Адрес-календаре не нашли ни слова». <sup>34</sup>

«(Инвалид) „Мы не знаем, следовал ли автор какому либо известному порядку при исчислении современных стихотворцев. Но нам кажется, что во всяком случае надлежало бы ему поставить *Мерзлякова* гораздо выше“. На этот вопрос отвечаю: никакому порядку я не следовал, потому что Пантеон не рота и ранжировать поэтов значило бы повторять анекдот капрала, который тесаком выровнял органы под рост». <sup>35</sup>

«Объявляем нашим читателям, что в сем исчислении поэтов (участников «Полярной звезды». — А. Б.) не держались мы никакого порядка и не смеем присвоивать себе права, ранжировать писателей по их достоинству, как сего требовал Г. К. в замечаниях на *Полярную Звезду*, помещенных в *Русском инвалиде*». <sup>36</sup>

---

<sup>33</sup> Ж. К. Письма на Кавказ. I // Сын Отечества. 1823. Ч. 83, № 1. С. 17—18.

<sup>34</sup> Бестужев А. А. Ответ на критику Полярной звезды, помещенную в 4, 5, 6 и 7 нумерах Русского инвалида 1823 года // Сын Отечества. 1823. Ч. 83, № 4. С. 176; перепечатано: Литературно-критические работы декабристов / Ст., сост., подгот. текста и примеч. Л. Г. Фризмана. М., 1978. С. 56. Автором разбора в «Русском инвалиде», на который отвечал Бестужев, был В. И. Козлов.

<sup>35</sup> Бестужев А. А. Ответ на критику... С. 184; Литературно-критические работы декабристов. С. 59—60.

<sup>36</sup> Северный архив. 1823. Февраль. № 3. С. 294.

Отвергая сопоставление литературной иерархии с общегражданской (метафора Адрес-календаря) и военной («Пантеон не рота»), Бестужев, отвечая на критику в «Русском инвалиде», прямо говорил о необходимости «внутрицеховых» правил и законов и невозможности проецировать привычную Табель о рангах на поэзию: «А право, очень жаль, что в этой республике нет никакой расправы. — У меня, правду сказать, давно вертится в голове преудивительный проект о составлении литературного цеха. Там школы взаимного обучения, пошлины на ввозные слова, эмбарго за глупости, штраф за дурные стихи, ответственность за литературную кражу!.. и проч. <...> Поэзия не нумерация, где за тысячами стоят сотни, потом десятки, а потом единицы. В этом случае Г. К. может винить не меня, а природу, которая сотворила Пушкина Поэтом, несмотря на число лет».<sup>37</sup>

В этом контексте, а также учитывая беспрестанные нападки круга «Благонамеренного» на «союз поэтов», и Баратынского в частности, высокая оценка, данная ему Бестужевым,<sup>38</sup> приобретала особую значимость. Характеристика Бестужева выводила Баратынского за пределы того кружка, с которым его настойчиво связывали полемисты «Благонамеренного», уравнивая его с несомненно первым поэтом — Пушкиным, а заезженный в сатирических пародиях образ Граций<sup>39</sup> в общем контексте статьи стал частью положительной характе-

---

<sup>37</sup> Бестужев А. А. Ответ на критику... С. 181—182; Литературно-критические работы декабристов. С. 58.

<sup>38</sup> «Баратынский, по гармонии стихов и меткому употреблению языка, может стать наряду с Пушкиным. Он нравится новостью оборотов; его мысли не величественны, но очень милы. <...> Во многих безделках виден развивающийся дар; некоторые из них похищены, кажется, из альбома граций» (Бестужев А. А. Взгляд на старую и новую словесность в России. С. 22—23; курсив мой. — А. Б.).

<sup>39</sup> Ср. в эпиграмме Федорова на «Союз поэтов»: «Один напишет: мой Гораций! / Другой в ответ: любимец Граций! / И третий друг, / Возвысив дух, / Кричит: вы, вы, любимцы Граций! / А те ему: о наш Гораций!» ([Федоров Б. М.] Союз поэтов. С. 513).



ристики («некоторые из них <стихотворений Баратынского> похищены, кажется, из альбома граций»).

Признание «певца Пиров» именно как подающего большие надежды *поэта*, зафиксированное в бестужевской статье, соответствовало, как представляется, позиции и самоощущению Баратынского в конце 1822—1823 гг. Об этом свидетельствует, во-первых, возникший осенью 1823 г. замысел сборника стихотворений, издателями которого намеревались выступить Бестужев и Рылеев,<sup>40</sup> и, во-вторых, ряд программных текстов этого времени — прежде всего два металитературных послания к Гнедичу, написанных во второй половине 1822 — осенью 1823 г., в которых Баратынский выступал с позиции выбравшего свой путь поэта.

О более известном из них — «Гнедичу, который советовал Сочинителю писать Сатиры»<sup>41</sup> — в рамках обсуждаемого сюжета следует сказать особо. Его явная связь с полемиками второй половины 1822 — начала 1823 г. с кругом «Благонамеренного» отмечалась неоднократно.<sup>42</sup> Действительно, в наиболее ярком сатирическом фрагменте, запомнившемся и первым

---

<sup>40</sup> В конце сентября 1823 г. Бестужев сообщал П. А. Вяземскому о недавно состоявшейся сделке: «Здесь был Баратынский, у которого мы купили его сочинения за 1000 рублей» (письмо от 23 сентября 1823 г.; цит. по: *Летопись*. С. 126); краткую историю несостоявшегося сборника 1823—1824 гг. см.: *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 1. С. 461—462. Ряд важных обстоятельств замысла первой поэтической книги Баратынского был реконструирован в докладе А. И. Мартыненко «Первый поэтический сборник Е. А. Баратынского как несостоявшийся издательский проект А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева» на конференции молодых филологов в Тарту (апрель 2016 г.); благодарю автора за полезное обсуждение сюжетов, связанных с литературной стратегией Баратынского в 1823—1825 гг.

<sup>41</sup> Это заглавие послание имело только в издании 1827 г., однако для удобства мы будем им пользоваться, говоря и о более ранней его редакции.

<sup>42</sup> *Вацуро В. Э.*: 1) Списки послания Е. А. Баратынского «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры». С. 55—62; 2) С. Д. П.: Из истории литературного быта пушкинской поры. С. 384—390.

читателям,<sup>43</sup> раздавались прямо ругательные характеристики сотрудникам Измайлова — Панаеву, князю Цертелеву, Сомову, Федорову и др., остроу которых (главным образом выпад против «безмундирного» Сомова) вполне справедливо связывают с «неприличностью» эпиграмм на унтерство Баратынского.<sup>44</sup> Укажу и еще на один след литературных споров 1822 г. в этом послании, также косвенно свидетельствующий в пользу более ранней его датировки.<sup>45</sup> Выпад против Измайлова, издателя журнала «Благонамеренный», по-видимому, прямо отсылал к тому же сатирическому прологу князя Шаховского «Новости на Парнасе...», поставленному 10 июля 1822 г., который незадолго до того вдохновил Баратынского «с артелью» на сочинение «Певцов 15 класса». Ср.:

«Сказать Панаеву: не Музами тебе  
 Позволено свирель напачкать на гербе;  
 Сказать Измайлову: болтун еженедельной,  
 Ты сделал свой журнал  
 Парнасской богадельной,  
 И в нем ты каждого убогого умом  
 С любовью жалуешь услужливым листком».<sup>46</sup>

«Клио  
 Как, неужели он крадет?  
 <...>  
 Полимния  
 Стало быть, живет милостыней?

Водевиль  
 И самую бездельной  
 <...>  
 Его бы я назвал  
 Словесной богадельной  
 <...>  
 Боюся, он Журнал  
 <...>

<sup>43</sup> Ср. отзыв Пушкина в письме Дельвигу от 16 ноября 1823 г. (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 13: Переписка, 1815—1827. С. 75*), пометы Хвостова на принадлежавшем ему списке сатиры (*Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2, ч. 1. С. 22*).

<sup>44</sup> См. выше; текст ранней редакции послания см.: *Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2, ч. 1. С. 11—16*.

<sup>45</sup> Как отметил О. А. Проскурин, характеристика «Благонамеренно-го» в ранней редакции («Сказать Измайлову: болтун еженедельной / Ты сделал свой журнал Парнасской богадельной...») явно указывает на то, что журнал выходил раз в неделю, а с такой периодичностью «Благонамеренный» выпускался только в 1822 г.; в следующем, 1823 г. он выходил два раза в месяц (*Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 282*).

<sup>46</sup> *Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2, ч. 1. С. 14* (курсив мой. — А. Б.).

Да, кажется, не дельной.  
Журнал  
Не недельной, а еженедельный». <sup>47</sup>

Достоянием публики, однако, сатира стала не раньше осени 1823 г. — к этому времени относится замысел ее публикации в «Полярной звезде»<sup>48</sup> и наиболее ранние отклики, в том числе отзыв Пушкина. Показательно, что в тот же выпуск «Полярной звезды» Баратынский отдал послание, адресованное его

---

<sup>47</sup> ОР и РК СПбГТБ. I.20.2.15. Л. 8 об.—9 (курсив мой. — А. Б.; приношу искреннюю благодарность Д. А. Иванову за возможность ознакомиться с собранными им материалами, касающимися пьесы Шаховского). Эта сцена практически полностью была воспроизведена в ряде журнальных публикаций в конце лета 1822 г. — см.: Бенефис, для сооружения памятника И. А. Дмитревскому // Отечественные записки. 1822. Ч. 11, № 28. Август. С. 257 (ценз. разр. 30 июля); Письмо князя Шаховского к .... // Сын Отечества. 1822. Ч. 79, № 33. С. 326 (номер помечен 19 августа).

<sup>48</sup> Сведения о несостоявшейся публикации послания к Гнедичу (очевидно, с зашифрованными именами литературных противников) восходят к письму Рылеева Баратынскому (ср.: «Сатиры твоей не пропускает Бируков. На днях я пришлю ее к тебе с замечаниями, которые, впрочем, легко выправить. Жаль только, что мы не успеем ее поместить в „Звезде“...»), напечатанному А. Е. Греном и в подлиннике неизвестному (Грен А. Е. Биографические заметки: А. С. Пушкин // Петербургский вестник. 1861. № 14. С. 314). Хотя существенная часть публикаций Грена — несомненная фальсификация, письмо Рылеева признается подлинным (см.: *Альциуллер М. Г. Записки Пушкина и Баратынского в публикациях А. Е. Грена // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1995. Вып. 26. С. 29—31; Летопись. С. 127—128*) при его передатировке 6 октября 1823 г. (вместо 1822 г., выставленного в публикации Грена). Согласно документам Петербургского цензурного комитета, рукопись «Полярной звезды» поступила в цензуру 8 октября 1823 г. (РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 189. Л. 136 об.—137; см. также: Л. 149 об.—150), однако вероятно, что часть текстов могла согласовываться с цензором еще до официального представления альманаха (или же число в публикации Грена также ошибочно).

Можно осторожно предположить, что цензурные затруднения послужили импульсом к началу рукописного распространения сатиры, причем в двух вариантах — «с личностями» и с зашифрованными именами, которые — в списках ранней редакции — могли восходить к авторскому тексту готовившейся публикации.

полковому командиру Е. А. Лутковскому, в котором печатно заявлял о своем унтерстве: «А я, любезный Командир, / Молвой забытый, о досада! / Ношу свой унтерский мундир / Для щегольства и для парада!»<sup>49</sup>

В конце 1823 г. происходит и попытка конвертировать литературные успехи Баратынского в так необходимое ему продвижение по службе. Новая серия хлопот о производстве в офицерский чин отличалась от предшествующих количественно и качественно: круг ходатаев был существенно расширен за счет влиятельных «культурных» фигур, значимых для собственно литературного поля (В. А. Жуковский, Д. В. Давыдов, А. И. Тургенев, тогда директор Департамента духовных дел, начальник Тургенева министр народного просвещения А. Н. Голицын, а также будущая великая княгиня Елена Павловна), а в аргументационной части прошений важную роль стала играть апелляция к поэтическому дарованию Баратынского, за которое он заслуживает снисхождения и которое свидетельствует о полном и искреннем его раскаянии в юношеском проступке. Ср.:

Жуковский — Голицыну, 2 января 1824 г.:

«Я недавно получил письмо, тронувшее меня до глубины сердца: молодой человек, с пылким и благородным сердцем, **одаренный талантами**, но готовый, при начале деятельной жизни, погибнуть нравственно от следствий проступка первой молодости, изъясняет в этом письме, просто и искренно, те обстоятельства, которые довели его до этого проступка. <...> он споткнулся на той неровной дороге, на которую забежал потому, что не было хранителя <...> но он *не упал!* Убеди-

---

<sup>49</sup> Полярная звезда на 1824 год. СПб., 1823. С. 261; *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2, ч. 1. С. 56 (курсив мой. — А. Б.). Стихотворение, впрочем, было напечатано не за полной подписью Баратынского, а под криптонимом Б., однако в алфавитном оглавлении альманаха оно примыкало к подписанным им текстам и располагалось между ними и стихотворением Батюшкова, что — вкупе с упоминанием об унтерстве — едва ли оставляло сомнения в авторстве Баратынского.

тельным тому доказательством служит еще и то, что именно в такое время, когда он был угнетаем и тягостною участью, и еще более тягостным чувством, что заслужил ее, **в нем пробудилось дарование поэзии. Он — поэт! И его талант не есть одно богатство беспокойного воображения, но вместе и чистый огонь души благородной:** прекрасными, гармоническими стихами выражает он чувства прекрасные, и простота его слога доказывает, что чувства сии *не поддельные*, а искренно выходящие из сердца». <sup>50</sup>

Баратынский — Жуковскому, вторая половина января 1824 г. (о письме к Елене Павловне):

«Я с моей стороны уверен, что Великая Княгиня, **предупрежденная Вами обо мне как об человеке с некоторыми дарованиями (Вы не погрешите, ежели кое-что и прибавите),** примет двойное во мне участие». <sup>51</sup>

Давыдов — А. А. Закревскому, 6 марта 1824 г.:

«Сделай милость, постарайся за Баратынского, разжалованного в солдаты, он у тебя в корпусе. <...> этот **молодой человек с большим дарованием** и верно будет полезен». <sup>52</sup>

Однако эти новые представления о символическом капитале литературного имени и значимости поэтического дара, которые, очевидно, вполне разделяли заступники «певца Пиров» и его читатели, были чужды тому единственному человеку, от которого по-настоящему зависела судьба поэта и унтер-офицера Баратынского, — Александру I. Уже в разгар этих хлопот начала 1824 г. стало понятно, что литературная слава может только повредить Баратынскому в глазах императора, видимо раздраженного, помимо прочего, такой настойчивостью внеслужебных прошений и требовавшего формального

---

<sup>50</sup> Русский архив. 1868. № 1. Стб. 156—158 (полужирный шрифт в этой и двух следующих цитатах мой. — А. Б.).

<sup>51</sup> Русский архив. 1871. № 6. Стб. 240.

<sup>52</sup> Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского / Изд. под ред. Н. Ф. Дубровина. СПб., 1890. [Т. 1.] С. 536. (Сб. Имп. Русского исторического общества; Т. 73).

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

---

# ЧИНЫ И МУЗЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ

---

Санкт-Петербург — Тверь  
2017

УДК 82.09  
ББК 83.2  
Г 65

Чины и музы: Сборник статей / Отв. ред. С. Н. Гуськов,  
ред. Н. В. Калинина. — Санкт-Петербург; Тверь: Изда-  
тельство Марины Батасовой, 2017. — 576 с.

Издание подготовлено при финансовой поддержке  
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),  
проект № 16-04-14013

ISBN 978-5-9909266-2-2

© С. Н. Гуськов, Н. В. Калинина —  
составление, 2017  
© Авторы статей, 2017  
© Издательство Марины Батасовой, 2017

представления через высшее военное начальство.<sup>53</sup> Необходимостью быстрой смены стратегии, по-видимому, объясняются просьбы Тургенева, обращенные к московским и петербургским журналистам, «не объявлять нигде <...> имени под стихами» Баратынского,<sup>54</sup> снижение его публикационной активности в 1824 г.,<sup>55</sup> криптонимные подписи в альманахах на 1825 г.<sup>56</sup> и, может быть, отказ от идеи издания стихотворного

---

<sup>53</sup> Помимо перечисленных гражданских высших чиновников и Жуковского к хлопотам был привлечен недавно назначенный финляндский генерал-губернатор и командир Отдельного Финляндского корпуса А. А. Закревский, просивший за Баратынского лично и через И. И. Дибича, тогда исполнявшего должность начальника Главного штаба (см.: *Летопись*. С. 137), однако ответом на все эти прошения была высочайшая резолюция: «Не представлять впредь до повеления» (сведения — из письма Баратынского А. И. Тургеневу от 31 октября 1824 г. — Там же. С. 145).

<sup>54</sup> См. письмо А. И. Тургенева Вяземскому от 24 марта 1824 г. (Там же. С. 137).

<sup>55</sup> Среди года в печати появилось только одно стихотворение Баратынского — «Зачем живые выраженья...» (Новости литературы. 1824. Кн. 9. Июль. С. 40—41), вероятно написанное задолго до публикации и, может быть, полученное издателем «Новостей литературы» Воейковым раньше и не напрямую от автора (см.: *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 250—252). Показательно также, что Баратынский не решился своевременно напечатать послание «Богдановичу», представлявшее собой принципиальную реплику в актуальном споре 1824 г. об элегической школе и произведшее впечатление на первых слушателей (15 июня 1824 г. Баратынский читал стихотворение на даче А. И. Тургенева в присутствии Жуковского, Дельвига, Греча, Блудова, Дашкова, И. И. Козлова — см.: *Летопись*. С. 139; об эстетической позиции Баратынского в связи с посланием см.: *Хитрова Д. М.* Послание «Богдановичу» и литературная позиция раннего Баратынского // *Лотмановский сборник*. М., 2004. Вып. 3. С. 933—947).

<sup>56</sup> Так, стихотворения, напечатанные в «Северных цветах на 1825 год», были помещены под криптонимами «Е. Б — ий», «Е. Б.», в «Полярной звезде на 1825 год» — «Б.» (в оглавлении «Б — — го»), в «Невском альманахе на 1825 год» — «Е. Б.»; публикации в «Мнемозине» появились под астрономом «\*\*\*».



сборника.<sup>57</sup> В свою очередь, неуспех мощного гражданского, «культурного» ходатайства с участием Жуковского, Тургенева, князя Голицына обусловил выбор собственно военной стратегии — через Закревского и Дибича — для дальнейших хлопот о судьбе Баратынского, которые через год наконец увенчались его долгожданным производством в прапорщики.<sup>58</sup>

С другой стороны, очередной отказ императора весной 1824 г. остро ставил для Баратынского вопрос об ободрении таланта, который на декларативном уровне неоднократно дебатировался в петербургских литературных кругах, в частности в ВОЛРС, на протяжении 1821—1825 гг.<sup>59</sup> Давний спор о сравнительной пользе меценатства и поощрения литературных занятий, с одной стороны, и независимой бедности или даже отверженности поэта, оратора или ученого — с другой, становившийся предметом актуального переосмысления как в XVIII веке,<sup>60</sup> так и в 1800—1810-е гг., в контексте начала

---

<sup>57</sup> Летом 1824 г. Баратынский «будто нечаянно» «увез тетрадь» со стихами, за год до того проданную им Бестужеву и Рылееву, в чем Бестужев прозевал козни их литературного конкурента — Воейкова (см. письмо Бестужева Вяземскому от 20 сентября 1824 г. — *Летопись*. С. 143). Несомненно, однако, что отказ от издания сборника в 1824 г. был обусловлен комплексом биографических и литературных обстоятельств.

<sup>58</sup> Приказ о производстве Баратынского в офицерский чин был подписан Александром I в Варшаве 21 апреля 1825 г., опубликован — 4 мая (см.: *Летопись*. С. 157—158).

<sup>59</sup> Краткий обзор основных эпизодов см. в коммент. В. Э. Вацура к стихотворению Б. М. Федорова «Ободрение» (1823), сыгравшему важную роль в спорах внутри ВОЛРС (Поэты 1820—1830-х годов: В 2 т. Л., 1972. Т. 1. С. 718—719. (Библиотека поэта. Б. сер.)).

<sup>60</sup> Содержательное описание истории этого идейного комплекса в связи с полемикой Пушкина с Бестужевым и Рылеевым в 1825 г. см.: Мазур Н. Н. Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»... С. 189—193. Здесь же показано принципиальное значение «Опыта о сообрестве литераторов и сильных мира сего...» Ж. д'Аламбера («Essai sur la société des gens de lettres et des grands...», 1753) для понимания концепции Бестужева. О роли этого сочинения д'Аламбера для социальной самоидентификации русских литераторов XVIII в. (прежде

1820-х гг. приобрел новое социальное звучание (по мере автономизации литературного поля и профессионализации литературных и издательских занятий) и политические обертоны (в связи с идеологией преддекабристских обществ). Свое наиболее яркое выражение апология «неободрения», пользы скитаний и лишений для поэтического гения нашла в последнем «полярном» обозрении Бестужева — «Взгляде на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 года»: «Из вопроса, почему у нас много критики, необходимо следует другой: отчего у нас нет гениев и мало талантов литературных? Предыслушу ответ многих, что: от недостатка ободрения! Так, его нет, и слава богу! Ободрение может оперить только обыкновенные дарования <...> Гомер, нищенствуя, пел свои бессмертные песни; Шекспир под лубочным навесом возвеличил трагедию; Мольер из платы смешил толпу; Торквато из сумасшедшего дома шагнул в Капитолий; даже Вольтер лучшую свою поэму написал углем на стенах Бастилии. Гении всех веков и народов, я вызываю вас! Я вижу в бледности изможденных гонением или недостатком лиц ваших — рассвет бессмертия! Скорбь есть зародыш мыслей, уединение — их горнило».<sup>61</sup>

Исходя из таких воззрений критика «Полярной звезды», в менее радикальной форме проявлявшихся и в обзорах 1823 и 1824 гг. и наследовавших, в частности, позиции Гнедича в его знаменитой «Речи о назначении поэта»,<sup>62</sup> можно предполагать,

---

всего Ломоносова) см.: *Основат К. А.* «Sublime misanthrope»: Ломоносов в 1760—1761 гг. // Новое литературное обозрение. 2004. № 69. С. 152—161.

<sup>61</sup> *Бестужев А. А.* Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 года // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. С. 490. Анализ позиции Бестужева см.: *Мазур Н. Н.* Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»... С. 190—193.

<sup>62</sup> Об отношении Баратынского к Гнедичу в 1821—1822 гг., в частности, о его реакции на принципиальные положения «Речи о назначении поэта» см.: *Бодрова А. С.* Пародия и правда: к истории шуточных гекзаметров Баратынского и Дельвига // А. М. П.: Сборник памяти Алексея Михайловича Пескова. М., 2013. С. 294—296.

что на «гонимого» Баратынского (как и на Пушкина) Бестужев возлагал особые надежды,<sup>63</sup> которые к началу 1825 г., с его точки зрения, сочинитель «Эды» решительно перестал оправдывать. Бестужеву, настаивавшему не только на сугубой полезности для гения лишений и скитаний, но и на необходимости «высоких», дидактических предметов для истинной поэзии, не нравилась ни общая «элегическая» тенденция Баратынского, ставшая особенно заметной в 1824—1825 гг., ни те «мелочи», которые он отдал в «Полярную звезду на 1825 год» (среди них — «Елисейские поля», аттестованные самим Баратынским как «французская шалость, годная только для Альманаха»,<sup>64</sup> мадригалы «Девушке, которой имя было: Аврора» и «Л<утковско>й»), ни новая поэма — «Эда», с которой Бестужев, очевидно, познакомился в рукописи в начале 1825 г. и о которой писал Пушкину: «Что же касается до Бар<атынско>го — я перестал верить в его талант. Он исфранцузился вовсе. Его Эдда есть отпечаток ничтожности, и по предмету и по исполнению».<sup>65</sup>

---

<sup>63</sup> См. высокий отзыв о послании Баратынского Гнедичу («Столицей шумною в изгнании позабыт...»; опубл.: *Новости литературы*. 1823. Кн. 6, № 41. С. 29—32) в обозрении «Полярной звезды на 1824 год» («Инвалид (имеются в виду «Новости литературы», выходявшие как литературное приложение к «Русскому инвалиду». — А. Б.) богаче всех хорошими стихами <...> прелестное *Послание к Гнедичу* Баратынского <...> украсил<о> оный». — *Бестужев А. А. Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым*. С. 269), похвалу стихотворению «Истина» («О счастии с младенчества тоскуя...») в письме Бестужева Вяземскому от 29 января 1824 г. («...ода Баратынского, князь, на счастье, право, стоит взгляда»; цит. по: *Летопись*. С. 135).

<sup>64</sup> См.: *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 407.

<sup>65</sup> *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 149—150 (письмо от 9 марта 1825 г.). Охлаждению Бестужева по отношению к Баратынскому, несомненно, способствовало решение последнего забрать уже запроданную издателям «Полярной звезды» рукопись сборника летом 1824 г. (см. выше), а также явное дружеское и эстетико-идеологическое тяготение Баратынского к альманашному конкуренту предприятия Бестужева и Рылеева — «Северным цветам» Дельвига. В этом смысле чрезвычайно

В более широком смысле, Бестужев отказывался принимать ту эстетическую позицию, которую Баратынский вынес из споров 1822—1823 гг. о (само)ценности литературного дарования и которую он формулировал в программных текстах 1822—1824 гг. (оба послания Гнедичу и послание Богдановичу): «...влюбился я в искусство / Другим передавать в согласных звуках чувство; / И не страшась толпы взыскательных судей, / Я умереть хочу с любовью моей»; «Как быть писателю? <...> В искусстве находить возмездие искусства!»<sup>66</sup> — позицию, близкую к пушкинской<sup>67</sup> и, в сущности, менее противоречивую по сравнению с его собственной. Как уже отмечалось,<sup>68</sup> декларации Бестужева в отношении «ободрения» не слишком согласовывались с его собственными карьерными успехами<sup>69</sup> (в 1825 г. Бестужев — штабс-капитан гвардии) и устремлениями,<sup>70</sup> а также с очевидной социальной «капитали-

---

показательно раздражение Бестужева «акафистом» Баратынскому-элигику в статье П. А. Плетнева «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах», опубликованной в первом выпуске «Северных цветов» (см.: Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 21—28, 39—43).

<sup>66</sup> *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 2, ч. 1. С. 50, 74.

<sup>67</sup> О позиции Пушкина в этом споре с Бестужевым и Рылеевым см.: Мазур Н. Н. Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»... С. 182—198.

<sup>68</sup> Там же. С. 193.

<sup>69</sup> Такая «забывчивость» Бестужева, особенно вызывающая на фоне сложных жизненных обстоятельств «гонимых» Баратынского и Пушкина, вызвала эмоциональное и решительное возражение Пушкина в письме Бестужеву от мая — июня 1825 г.: «Ободрения у нас нет — и слава богу! отчего же нет? Державин, Дмитриев были в ободрение сделаны министрами. Век Екатерины — век ободрений; от этого он еще не ниже другого. Карамзин кажется ободрен; Жуковский не может жаловаться, Крылов также. Гнедич в тишине кабинета совершает свой подвиг. <...> Из неободренных вижу только себя да Баратынского — и не говорю: Слава богу!» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 178—179).

<sup>70</sup> Над чем в письмах весны 1825 г. иронизировал Пушкин: «...возьмись за роман — кто тебя держит <...> да тебе хочется в ротмистра» (Там же. С. 156 (письмо от 24 марта 1825 г.)).

зацией» его литературных дел — как известно, за издание «Полярной звезды» Бестужев и Рылеев в 1824 г. были пожалованы золотой табакеркой и бриллиантовыми перстнями.

Тем не менее полемика об ободрении, развернувшаяся главным образом в переписке Пушкина с Бестужевым и Рылеевым весной — осенью 1825 г., как и недовольство Бестужева-критика Баратынским, остались за пределами печати, а вскоре после того в спор вмешались внешние факторы, приведшие к серьезной перегруппировке сил на идеологическом, социокультурном и собственно литературном поле.

Получение Баратынским долгожданного чина и последовавший вскоре за тем выход в отставку, совпавший по времени с известными событиями декабря 1825 г.,<sup>71</sup> вывели его из того драматического, но в социолитературном смысле сюжетобразующего конфликта, который в течение первой половины 1820-х гг. создавали его вынужденная служба и желанное поэтическое призвание. Во всех смыслах новая эпоха требовала от Баратынского выбора иной конфигурации соотношения творческой и социальной позиции.<sup>72</sup> Между тем в ранний период 1820—1825 гг. его творческая биография оказалась созвучна важнейшим социолитературным коллизиям эпохи, что, вероятно, оказало некоторое влияние на ту высокую поэтическую репутацию, которую он успел приобрести за годы унтер-офицерской службы.

---

<sup>71</sup> Прощение об отставке, составленное Баратынским и заверенное в Московском ордонансгаузе, датировано 27 декабря 1825 г. (*Летопись*. С. 169), однако, как следует из письма Н. В. Путьяте, первоначально он послал «просьбу <...> в полк прежде петерб<ургских> смятений» (Там же. С. 172). 31 января 1826 г. указ об отставке Баратынского был подписан Николаем I (Там же. С. 175).

<sup>72</sup> Со сходной коллизией после возвращения из михайловской ссылки столкнулся и Пушкин.